

ЕЛЕНА ГАБОВА

ПЕСНЯ О ПОЕЗДАХ

РАССКАЗЫ

Поездам надо петь песни. Потому что они сами нам песни поют. Слова в них однообразные, не слова, — слоги... “Ту-ту, та-та” — стук вагонных колёс, но не только. В мелодии песни слышится звенящее шуршанье под полом, лязганье сцепок, свист тепловоза, медленный речитатив женского голоса за окном, объявляющего о прибытии и отбытии составов...

На станциях колёса замолкают... Как пчёлы, жужжат многоголосые бабушки, предлагая горячую картошечку, солёные огурчики... А осенью и зимой: “Клю-юкwa! Клю-юкwa!”

На это многоголосие мелодию наложить, и не песня даже получится — симфония! А ночью? Когда свет выключен и в купе льётся звёздный свет? Как же прекрасно стучат тогда колёса! Прекрасная музыка!

Музыка пространства, путешествий и связанных с ними приключений!

Россию без поездов невозможно представить. Без самолётов — вполне представляю, тем более что в последние годы из-за дороговизны билетов почти ими и не пользуюсь. Да и зябко душе в самолётах. А поезда люблю! Они увозят-привозят меня в разные точки света по несколько раз в год. Много встреч, разговоров за стаканом чая, да много чего...

ГАБОВА Елена Васильевна родилась в Сыктывкаре. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Её произведения печатались в журналах “Кукумбер”, “Костёр”, “Пионер”, “Юность”, “Слово”, “Наш современник”, “Таллинн”, в журналах Японии. Автор множества книг для детей и подростков, изданных в Москве, Киеве, Сыктывкаре, Токио. Её произведения переведены на английский, немецкий, украинский, финский, венгерский, норвежский языки, языки народов России. Лауреат Международной литературной премии В. Крапивина, Всероссийской литературной премии им. П. Бажова, лауреат премии правительства Республики Коми. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Раньше, в советские годы, поезда можно было назвать “клубами новых знакомств”. Заходя в купе, обязательно здоровались, трапезничали вместе, каждый делился тем, что у него было. Теперь по-другому. Чаще всего каждый сам по себе. Иной раз новый спутник войдёт в купе и поздороваться забудет.

Все стали холоднее, расчётливей. Не только пассажиры. И проводницы. Они сейчас вежливее, культурней. И в вагонах чище. Никто из пассажиров не гремит кулаком в дверь туалета, все терпеливо ждут. Но душой почерствели. Недавно одной женщине в кассе продали билет, обозначив на нём прошлый год, — компьютер ошибся! Так ведь сняли бедолагу с поезда! Сняли, хотя понятно было, что это просто опечатка, и на её место никто не пожалует. “А вдруг ревизоры? Нам попадёт”, — решили и проводница, и начальник поезда. О себе подумали, о человеке — нет! И бедная женщина вынуждена была сойти, а ведь ни при чём была! Так что внимательно изучайте билеты, граждане пассажиры! И техника ошибается!

...Но это — отвлечение, запасная, так сказать, ветка...

Я о музыке странствий. Была бы композитором, обязательно написала бы симфонию поездов. А раз не умею музыку сочинять, расскажу словом о нескольких случаях, которые произошли со мной в поездах дальнего следования.

КАППА

На нижней полке в купе сидел небольшой человек кавказской наружности. Сидел интересно: расставил руки по обе стороны от себя, как крылья. Очень напоминал наседку, защищающую своих цыплят. Но не цыплят защищала эта “наседка”, а жизненное пространство — всю нижнюю полку. Низенькому человечку очень не хотелось, чтобы вновь вошедшие пассажиры садились рядышком с ним.

Вновь вошедшие пассажиры — это мы с Артуром. У нас верхние полки, у меня — над человечком, у Артура — напротив. Если заходишь в купе ночью, тут и думать не надо. Стелешь постель и забираешься наверх спать. А тут было два часа дня, и спать как бы рановато. В принципе, раз моя полка сверху человека-наседки, то защищал он полку лично от меня. Под местом Артура мужчина лет пятидесяти сидел нормально, рук не растопыривал. Он сказал нам обоим:

— Садитесь.

Уместились втроем на нижней полке. А тот капша так и продолжал сидеть, растопырив руки. Да, забыла сказать, на его спортивной куртке и спереди и сзади были крупные буквы КАППА. Начитанный Артур сразу сказал, что КАППА — это водяной у японцев. Да, точно! Я вспомнила Акутогаву, у него один рассказ так и назывался “КАППА”. В нём говорилось о том, что тамошнего водяного — кашпу — любвеобильные русалки защекотали то ли до смерти, то ли почти до смерти.

Ну, этого кашпу никакие русалки не защеконут... Он к себе не подпустит. Так его и буду называть его: Капша.

Нам с Артуром хотелось перекусить. Выехали из Ханты-Мансийска, где были в командировке, утром, лишь чаю попив. Четыре часа пилили на автобусе до станции Пыть-ях, понятно, что проголодались.

— Нам бы пообедать, — сказала я, обращаясь к Капше, надеясь, что он отодвинется от столика, и тогда я бы села туда поесть. Артура же мужчина пустил без всяких намёков.

— Обед уже был, — безапелляционно заявил Капша.

— Это у вас был, а мы не успели поесть.

— Ну, ладно, пообедайте, — смилостивился он и строго добавил, увидев, что Артур выкладывает на стол полбуханки хлеба и достаёт нож, чтобы его нарезать: — Только не крошите!

Акцент у него тоже был кавказский.

Надо же, чистюля какой.

Я так думала, что он “смиловитесь”. Слишком хорошо думала! У него и мысли не возникло пустить меня на свою полку к окошку, чтобы и я пообедала вместе с Артуром.

— Ладно, Артур, ты поешь, потом я. Можно? — обращаюсь к другому попутчику, человеку славянской наружности.

— Конечно.

Мы по-прежнему сидим втроем напротив расшерстившегося Капшы. Он спокоен и доволен. Кажется, даже улыбается немножко! Чёрные глазки светятся добродушием. Как легко он добился победы над жизненным пространством! Никто на него и не претендует! Я бы могла, конечно, попросить его убрать слишком длинные лапы, но не хотелось. Сам должен понимать.

Да, сейчас мода такая: если у тебя верхнее место, так и пользуйся только им. Можно бы с этим согласиться, если бы билеты на верхнюю полку стоили дешевле. Но ведь это не так. Цены на нижние и верхние полки одинаковы. И потом, одно дело, когда ты едешь одну ночь и вполне можешь перекантоваться наверху. Нижняя полка тебе и не нужна вовсе. Но когда путешествуешь сутки или больше, как в нашем случае, тогда ты просто вынужден пользоваться и нижней полкой тоже. На верхней полке даже и чаю не выпьешь! Представьте себе пассажиров, распивающих чай наверху! А одним чаем в далёкой дороге не обойдёшься.

...Артур поел и пошёл выносить мусор. Когда за ним закрылась дверь, Капша сказал:

— Свинья! Как накрошил, погляди!

В его голосе слышалось презрение. Добродушие как рукой сняло.

На столе с его краю стоял стакан с мёдом. Было сразу видно, что это мёд — тягучая жёлтая жидкость тяжело обволокла чайную ложку. Он поднял этот стакан и смёл две крошки, оставшиеся от Артуровой трапезы.

Мне было легче с крошками: я хлеб не ем. Но со мной случилась другая неприятность. Да что там “неприятность”! Самая настоящая авария. Катастрофа! Крушение всех Капшиных надежд. Впрочем, он сам виноват. Не разрешил садиться на его полку. А русский попутчик решил полежать. Его полное право! Артур тоже лёг, забравшись наверх. Куда же мне деться-то? Только и оставалось тоже залечь на полку над головой Капшы. Голодной! Но как на грех, у меня в это время болело плечо, и залезть на своё указанное в билете место я могла, только наступив на столик. Я подстилаю газету и аккуратно на неё наступаю...

Ужас! Стол обрушивается! Я лечу вниз, летит стакан с мёдом, разбиваясь на мелкие осколки, проливается мёд... сладкий, липкий...

От возмущения Капша потерял дар речи. Смотрит на меня непонимающим взглядом. Рот раскрыл и глаза выпучил. Точно, клуша! Сейчас закудахчет! Весь его вид говорил о недоумении. Что такое? Почему так? Ведь он просил не крошить. А тут можно сказать, не хлебные крошки. Сам стол раскрошен и его стакан с мёдом...

Я тоже обескуражена... Но я и не виновата! Я не толстуха! Стало быть, стол уже был сломан или плохо закреплён, и требовалось малейшее усилие, чтобы он обрушился.

И всё же это было закономерно! Когда так заботаешься о малом, на тебя сваливается гораздо большее! Всегда так! Не нужно было переживать о пустяках-крошках! Теперь не только на столе, но и под столом, и вообще по всему купе жуткий беспорядок и грязь.

А вообще-то это наказание Капше за его жлобство! Расселся, тоже мне, хозяин жизни, растопырил грабли!

Приходит проводница со шваброй и прибирает всё это безобразие. Капша пришёл в себя и стал ныть, что я пролила его мёд, и он, бедный и больной, остался без лекарства. Чувствую себя насквозь виноватой. Предлагаю ему кедровые орехи взамен — почти полкило отборных орехов — не берёт, видно, у самого есть. Из Сибири возвращаемся, там все рынки по осени забиты орешками!

Мы с Артуром вышли в коридор. Стоим у окна. Я — расстроенная, усталая и голодная. И злая. Но теперь уже не на Капшу злость — на себя: ну,

надо же так опростоволоситься! А про голод я от расстройства забыла.

— Знаешь, у него под полкой, у окна, трёхлитровая банка этого мёда, — тихо говорит Артур, — я видел.

Вот так-то... бедный, больной, без лекарства остался...

Наступила ночь. Каппа наш вышел в Перми. Постель не сдал, сказал: проводница уберёт. Ну, да, он же хозяин жизни, будет ещё себя утруждать, с простынями возиться! Мне сказал на прощание:

— Смотри, не занимай нижнюю полку, вдруг какой-нибудь старушк войдёт...

Золотой ты мой благодетель старушек! Не верю тебе ни на грош! Ты бы и со старушкой так поступил.

ПАЧЕЧКА “ФЕРВЕКСА”

И снова возвращаюсь из-за Уральских гор. В этот раз — из Тюмени. Еду в поезде сильно простывшая. Я и поехала в Тюмень уже больная. В сентябре был конгресс финно-угорских писателей в Карелии. В гостинице я жила в номере с замечательной поэтессой Альбертиной Ивановой из Марий Эл. К ней каждые пять минут прибегала что-то узнать-рассказать сильно чихающая подружка. Не знаю, как Альбертина, а я с готовностью подхватила простудный микроб. Это у меня мигом.

Не поехать в Тюмень было нельзя. Моя книга попала в шорт-лист международной литературной премии Владислава Крапивина, первый успех за пределами родной республики — как не поехать? Приглашение на руках, расходы оплачиваются. С Крапивиним опять же познакомлюсь, я этого писателя люблю за романтику и свет в книгах. Его герои всегда готовы помочь ближнему. Очень нужный писатель для ребят всех времён, социалистических, капиталистических — без разницы. Библиотекари говорят, что его книги стали мало читать, потому что время романтики прошло. Надеюсь, что это временно.

Не зря поехала — попала в лауреаты. Вместе со мной лауреатами стали известный писатель Альберт Лиханов, Валентина Фролова из Севастополя и молодой писатель из Ханты-Мансийска Сергей Козлов.

И вот возвращаюсь из Тюмени. Нас в купе двое: я и молодой человек на нижней полке напротив, который за целый день не проронил ни слова. Я кашляю. Чихаю. Кашляю. Чихаю. Он читает книгу. Длинный. Ноги на нижней полке до упора. Некрасивый, с прыщавым лицом. Рассматривает какие-то карты. Может, геолог? Хоть бы словечко вымолвил. Какая-то неловкая в купе атмосфера, слишком безмолвная... Мне же самой не хочется первой молчание нарушать. Не хочу показаться назойливой. И мешать не хочу молодому геологу.

За окном проплывают уже обезлиственные леса, земля чуть припорошена снегом. Первый снег на земле. Она уже замёрзшая, и снег, как просвечивающая ткань, — даже жёлтые листики видны сквозь него. Селения редкие, как и у нас на Севере. И вообще Урал и Север очень похожи.

И вдруг через некоторое время мой спутник тоже начинает кашлять. И нос у него потёк. Никак не может унять разбушевавшийся насморк. Шмыгает, в платок сморкается. Неужели так быстро он от меня заразился? Так не бывает. Должен быть хотя бы короткий инкубационный период. Нет, я ни при чём... Очень не хочется, чтобы из-за меня кто-то страдал.

У меня снова начался приступ кашля. Долгий, мучительный.

И тут этот человек, не проронивший ранее ни слова, говорит:

— У меня есть “фервекс”. Одна пачка осталась. Возьмёте?

Ага, одна пачка. Значит, и он был простужен... раз у него с собой запасы лекарств. Слава Богу, не мои у него микробы.

— Но ведь вы сами простужены... У меня уже проходит, у вас только начинается. Давайте её вам и оставим.

Не взяла я этот “фервекс”. Но эта готовность помочь очень понравилась. Наверное, в детстве он книги Крапивина читал.

БИЛЕТ НА ПОЕЗД

Поезд из Хельсинки пришёл почти ночью. Вот и хорошо, значит, в кассах за билетами точно народу нет. Так оно и оказалось.

— Пожалуйста, билет до Сыктывкара на завтра.

— А завтра в Сыктывкар поезд не идёт.

Знаю, знаю, что через день ходит. Не повезло.

— Дайте тогда билет на воркутинский до Микуни.

А что делать? Где я буду в Питере шататься целый день? Вернее, ночь, целый день и ещё ночь. В гостиницах цены кусаются. Не осталось у меня денег на гостиницу после Суоми. Да ничего, доеду до Микуни, а там муж меня встретит на машине.

Ночь перекапталась в комнате отдыха на вокзале. Поспала на диване, укрывшись курткой. Цена в комнату отдыха небольшая, народу нет — поздней осенью вообще пассажиропоток невелик. Выспалась не хуже, чем в гостинице.

Утром слышу объявление по вокзальному радио:

— Граждане пассажиры, на втором пути объявляется посадка на поезд Санкт-Петербург—Сыктывкар.

Как же так! Ведь мне же сказали, что поезда сегодня нет!

Бегу в ту кассу, где мне билет продали.

Самое интересное, что вагоны до Сыктывкара к этому же поезду “Петербург—Воркута” цепляются. Ехать мне, стало быть, воркутинским, сходить в Микуни, а сыктывкарские вагоны в это время прямым ходом покатит в мой город другой тепловоз. Без меня покатит! Ну, не обидно, а? А главное, несправедливо! Просила билет до нужного места, но мне его не продали, хотя он был!

А муж будет ехать до Микуни в гололёд, чтобы там меня встретить. Опасно! Один раз он уже попадал в передрагу в такое же предзимнее время, перевернулся на машине, разбил её до основания. Слава Богу, сами с сыном не пострадали.

Горячо высказываю свои претензии в маленькое окошечко кассы. Кассир — та же “ночная” женщина с невыразительным лицом, которая и продала мне билет в Микунь, — давай кричать на меня. Ну, конечно, лучшая защита — нападение.

— Некогда мне с вами разбираться, — бросаю в сердцах напоследок, — посадку объявили.

Да, объявили посадку. На мой родной поезд. До моего родного города. Мне туда доехать не светит...

Я уже расположилась в своём купе. До отправления поезда оставалось минуты две-три, не больше.

Вдруг открывается дверь и появляется... та самая кассирша с невыразительным лицом. Какие-то бумаги в руках.

— Простите, я виновата... Я переоформила вам билет до Сыктывкара. Вам только немного доплатить.

— А как же... ведь нужна фамилия, — у меня от удивления все слова потерялись.

— А в компьютере ваша фамилия осталась.

— Ах да!

— Вам даже переходить в другой вагон не нужно, я с проводником договорилась.

— А я уже мужу позвонила, он в Микуни меня будет встречать. Зарядка в телефоне кончилась, не смогу больше с ним связаться.

— Да я вашему мужу позвоню. Давайте номер.

И в самом деле, позвонила! Пётр меня в Сыктывкаре встречал.

Когда я рассказываю эту историю, многие не верят. Ведь надо выйти из своей кассы, найти путь, где поезд стоит...

А главное, совесть свою разбудить надо. У многих ли это получается? У этой вот женщины получилось.

ХОРОШИЙ ПАССАЖИР

Однажды в поезде “Москва—Санкт-Петербург” я ошиблась вагоном. Сижку-посиживаю на своём якобы месте, уже чемодан под полку положила. “Время позднее, сейчас расстелю постель и спать”, — размышляю сама с собой и с нетерпением жду проводников, которые раздадут пассажирам постели. Люблю поспать в поезде под мерный перестук колёс. Для меня это колыбельная песенка.

В купе заходит мужчина моих примерно лет. На нём тёмное осеннее одеяние, а лицо приветливое, улыбочивое и с осенью за окном никак не вяжется.

— Здравствуйте. Вы заняли мое место, — говорит он мне, причём приветливо, без претензий!

— Вы ошибаетесь, — уверенно отвечаю я. И в отличие от его, мой голос совсем не приветлив. — Это место моё.

— Ваше? Правда ваше? Подождите, я вам билет покажу.

И он приветливо протягивает билет.

Шестнадцатый вагон, пятнадцатое место.

Но и у меня тоже! Билеты-двойники? Говорят, так бывает! И в этом случае местом овладевает тот, кто пришёл первым. А это значит — я.

— А вы проверьте свой билетик, — предлагает мне пассажир всё так же приветливо.

Проверяю. О, ужас! Конечно, это не моё место! У меня вагон-то семнадцатый!

— Извините, пожалуйста, извините! — я вскакиваю, хватаю из-под полки свой чемодан на колёсиках и покидаю купе.

Неудобно, стыдно! Я так смело, агрессивно даже, заявила: “Это моё!”

Что ж, поспенила в семнадцатый вагон. До отхода поезда несколько минут оставалось. Только устроилась я на своём пятнадцатом нижнем в семнадцатом вагоне, дверь купе открылась, и появился тот же мужчина. У меня мысль мелькнула, что он меня и с этого места сгонит. Может, он билеты на все пятнадцатые места в составе зачем-то скупил! Вопросительно смотрю на него, а он протягивает мне флисовую шапчонку:

— Ваша? — и опять улыбается.

— Ой, да, — узнаю родной головной убор. — Спасибо большое!

Попрощался и ушёл.

Примерно через час снова открывается дверь в купе. В проёме двери появляется уже знакомое и почти родное лицо. Человек улыбается. Он очень симпатичный! Зачем он опять тут? Понравилась я ему, что ли? Так вроде немолоды мы. Но я уже рада его видеть!

И опять он мне что-то в руке протягивает.

Ого! Это уже существеннейшей шапки.

Мобильный телефон. Шапка заметнее, а телефон завалился куда-то в щелку между стеной и полкой, сразу его мой милый попутчик и не заметил.

— Спасибо, большое спасибо!

Мог ведь и не приходить. Хватились бы телефона, и сама бы явилась.

Прибыли мы в Питер, и так мне хотелось хорошего человека отблагодарить, но как это сделать? “Спасибо” уже сказано, и не раз. Не о деньгах, конечно, была моя фантазия. Маленький сувенир бы ему на память... Но ничего подходящего не нашлось.

* * *

И ещё два слова о поездах.

Сколько раз я встречала в них молодых безденежных ребят. Садятся в поезд без копейки, без куска хлеба. Большинство из них студенты. Конечно, голодные! Выкладываешь свою снедь на стол — отворачиваются или тактично выходят из купе. Спросите, почему бедные студенты едут в купейном вагоне? Очень просто — ехать надо, а в плацкартный вагон билетов нет. Таких

ребят обязательно подкармливаешь. Сначала они отказываются, но это так, для порядка. А потом ничего... за обе щеки уминают. Молодые, ещё растут.

А то и так бывало.

В южных городах с обратными билетами всегда проблема. И жадные проводники сажают в вагоны безбилетников. Денежки себе в карман, естественно, а ребятам указывали место — приставной стульчик в коридоре купейного вагона. Ехать таким образом аж до Москвы, двое суток — кошмар! А куда денешься, если билетов нет, а домой нужно.

Как-то так было: мы с мужем спали на одной нижней полке, улегшись валетом, чтобы на верхнем месте мужа поспала загорелая худенькая девчонка. Она немножко хотела поспать, всего полчаса, и об этом честно предупредила. Но так крепко уснула... Не стали её будить...

Какая в этом выгода для нас? Прямой-то, конечно, никакой. Но всё же она есть, выгода эта, и немалая. В будущем эта девочка, став взрослой, тоже кого-нибудь вырастит.

Так испокон веку водится. Бензину кому-то не хватает в дороге? Пожалуйста, свой отливает. Кого-то вытянуть из ямы, кювета? Конечно! На вопрос, сколько мы за это хотим, отвечаем: несколько. Просто вы так же с другими поступайте.

Подвезти кого-то? И так бывает. Денег не берём — вы тоже кого-нибудь бесплатно подвезите, ладно?

Недавно американский фильм посмотрела: “Заплати вперёд”. Хороший фильм! Там та же мысль обговаривается.

Были у меня и необычные попутчики!

Декоративный кролик Ваня всю дорогу от Сыктывкара до Москвы сидел в сумке хозяйки, как плюшевая игрушка, только ушки слегка подрагивали да испуганные красные глазки косили больше обычного. Только по этим признакам и понятно было, что живой. А ещё была вежливейшая овчарка Ксюша — она лежала в купе между нижними полками, и взгляд её умных глаз говорил: извините, я вам мешаю, я такая большая. А ещё были индошата и цыплята, которых пожилой пассажир, как только вошёл в купе, рассыпал по нижним полкам — пусть гуляют. С трудом выловили пищащих “детюшек”, и ехать дяденьке в купе не разрешили... Перевели в общий вагон... Ещё были всякие кошечки, два мопса. Из кошек запомнились две: мама Мурка и её дочка Соня. Они переезжали со своей хозяйкой на новое место жительства. Хозяйка кошек, худенькая женщина Рената вот что про них рассказала:

— Возьмёшь кошку — так и знай: жди котят. Вот и я со своей Муркой столько котят пораздавала людям, уж и не упомяну...

Мурка сидела в сумке — скромная трёхцветная кошка. Небольшая, аккуратная. Взгляд её внимательных глаз говорил: “Рассказывай, рассказывай, Рената, я тоже слушаю”.

Женское здоровье Мурочки было хорошее, и она регулярно приносила потомство каждые полгода. Спокойно и без боли рожала она только тогда, когда Рената опускала в её “роддом” руку. Роддомом была большая коробка, которую муж притащил откуда-то с улицы. Мурка прислонялась к руке хозяйки, и всё было ладно.

Детей её всех пристраивали, а вот одну дочку — Рената показала на серую кошку, бóльшую по размерам в полтора раза, чем мама, — оставили себе, назвав Сонькой. Пришло время и Соньке рожать. Молодая кошка не понимает, что с ней происходит. Мечется из угла в угол, по стульям-табуреткам прыгает. Где и родила — непонятно. Во второй раз Сонькины роды Мурка принимала. Сонька уже догадалась, что в тёплой коробке рожать комфортнее, или ей об этом мама по-своему, по-кошачьи, шепнула. Улеглась, а как схватки начались, жалобно замыкала. Мурка давай ей морду и живот вылизывать: успокойся, дитяtko, я вижу, как тебе тяжело, но надо терпеть. Всем котяткам Мурка пуповину перегрызла, заботливая бабушка. А бывало и так, что гуляют мать-дочь вместе, и рожают вместе, пришлось Ренате коробку побольше подыскивать.

— ...Вот... везу их с собой, переезжаем в другой район. Муж работу поменял, — заключила Рената.

РАССКАЗ ПАССАЖИРКИ

А сколько интересных историй поведали мне попутчики!

Вот одна из них.

Галина Романовна проработала на Эжвинском ЛПК* около сорока лет. Зарботки на предприятии были хорошие, и зарплату всегда вовремя платили. Повезло ей с работой. Никогда материальных трудностей не испытывала.

И с дочкой повезло, Вика у неё замечательная. А теперь и зятьёк, как сын. Всюду за собой маму-тёщу возят, всегда вместе хотели жить, в смысле в одном городе.

Переехали дочка с мужем в Питер, год уже там живут, вот и ей там квартиру присмотрели. Она уже на пенсии, теперь вот переезжает к ним жить. Галина Романовна нужна молодым — с собакой погулять, покушать приготовить, с внучкой понянчиться. Однокомнатную квартиру купили ей почти в центре. А что, хорошо же, потом внучке сгодится. Пенсия уравнивает её с другими пенсионерами, но, видно, накопления имелись. В Сыктывкаре последняя её квартира была в элитном доме, на седьмом этаже, вид из окна изумительный, река видна со всеми её изгибами и лес вокруг города. Красота! Но жизнь портила соседка на восьмом, над головой Галины Романовны...

Старушка лет восьмидесяти.

В годы войны она девчонкой ушла на фронт, где подносила снаряды к артиллерийским орудиям. Наверное, на фоне этого у неё в старости случился “шиз”. Ей, восьмидесятилетней бабке, казалось, что Галина Романовна, то есть соседка снизу, катает в своей квартире тяжёлые шары и вообще что у неё в квартире какое-то металлопроизводство. Бабка то и дело слышит, как в квартире Галины Романовны разговаривают рабочие, шумят станки. Бабушка приходила к Галине Романовне с инспекцией и своими глазами видела, что ничего подобного нет. Галина Романовна тихо жила одна со своей маленькой бородатой собачкой.

Старушка на время успокаивалась, а затем всё повторялось. Чтобы остановить металлопроизводство этажом ниже, старушка лила воду в щели между линолеумом. Она заливала квартиру Галины Романовны несколько раз в год, потоки воды стекали по стене и окну в кухню. И урезонить бывшую фронтовичку было невозможно: она никому не открывала. Милиция смеялась и на все жалобы Галины Романовны только отмахивалась: “Да бросьте вы, она же на вас с топором не бросается?”

А ещё у бывшей фронтовички была клюка. И она периодически стучала ею в пол, предупреждая Галину Романовну, чтобы она по-хорошему перестала катать шары. А то и гремела в дверь и клюкой, и ногами. Однажды у Галины Романовны гостили дочь с зятем. И тут загрелись клюкой во входную дверь. Семья дочери о бабушке-фронтовичке была наслышана. Зять побелел и вылетел из-за стола. Вы бы видели, как бежала от него восьмидесятилетняя старуха! Как козочка, вбежала на свой восьмой этаж, её не смог догнать сорокалетний мужчина.

Такие вот истории.

Мне иногда кажется, что вся наша жизнь похожа на длинный-предлинный поезд, в котором мы едем с вагонами воспоминаний — каждый до своей конечной станции...

* ЛПК — лесопромышленный комплекс под Сыктывкаром.